З. Фрейд
Я и Оно

Настоящее обсуждение продолжает ход мыслей, начатый в моем труде «По ту сторону принципа наслаждения» в 1920 г. Я сам, как там и упоминается, относился к этому ходу мыслей с известным благожелательным любопытством. Оно продолжает прежние мысли, связывает их с различными фактами аналитического наблюдения и стремится из этого соединения вывести новые заключения; но оно не прибегает к новым займам у биологии и поэтому ближе к психоанализу, чем мой труд «По ту сторону...». Оно носит скорее характер синтеза, чем спекуляции, и ставит, как кажется, перед собою высокую цель. Но я знаю, что обсуждение это останавливается перед самым трудным, и я с этим ограничением вполне согласен.

При этом обсуждении это затрагивает вещи, до сих пор предметом психоаналитической разработки еще не являющиеся, поэтому неизбежно оно задевает некоторые теории, которые выдвигались непсихоаналитиками или же психоаналитиками, от психоанализа отходившими. Вообще я всегда был готов признать мои обязательства по отношению к другим работникам, но в данном случае я не чувствую себя отягченным долгом благодарности. Если до сих пор психоанализ не отдавал должного некоторым вещам, то это никогда не случалось потому, что он не замечал их заслуг или отрицал их значение, а потому, что следует определенному пути, который так далеко еще не завел. Когда же, наконец, психоанализ к этой вехе подошел, многое представляется ему в ином свете, чем другим.

I Сознание и бессознательное

В этом введении ничего нового сказать нельзя, и повторение ранее сказанного неизбежно.

Разделение психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа и дает ему одному возможность понять в такой же мере частые, как и важные патологические процессы психической жизни и причислить их к научным явлениям. Повторяю еще раз другими словами: психоанализ не может считать сознательное сутью психики, а должен смотреть на сознание как на качество психики, которое может присоединиться к другим качествам или может отсутствовать.

Если бы я мог себе представить, что интересующиеся психологией прочтут этот труд, то я приготовился бы и к тому, что уже тут часть читателей остановится и не пойдет дальше, так как здесь первый шиболет психоанализа. Для большинства философски образованных людей идея психики, которая к тому же и бессознательна, настолько непонятна, что она кажется им абсурдной и отвергается простой логикой. Мне думается, что причина этого заключается в том, что они никогда не изучали соответствующих феноменов гипноза и сновидения (не говоря уже о патологических феноменах), делающих такое понимание обязательным. Но выдвинутая ими психология сознания ведь и неспособна разрешить проблемы гипноза и сновидения.

«Быть сознательным» есть чисто описательный термин, ссылающийся на наиболее

непосредственные и наиболее надежные восприятия. Но дальше опыт показывает нам, что психический элемент, например, представление, обычно не осознается длительно. Напротив, характерно то, что состояние осознательности быстро проходит; осознанное сейчас представление в следующий момент делается неосознанным, но при известных легко осуществимых условиях может снова вернуться в сознание. И мы не знаем, чем оно было в промежутках; мы можем сказать, что оно было латентно, и подразумеваем под этим, что оно в любой момент было способно быть осознанным. Но и в этом случае, если мы скажем, что оно было бессознательным, мы даем правильное описание. Это бессознательное совпадает тогда с латентной способностью к осознанию. Правда, философы нам возразили бы: нет, термин – бессознательное – здесь неприменим; пока представление было в состоянии латентности, он вообще и не был ничем психическим. Если бы мы уже тут начали им возражать, то завязался бы спор, который бы никакой пользы не принес.

Таким образом, мы приобретаем наше понятие о бессознательном из учения о вытеснении. Вытесненное является для нас примером бессознательного; мы видим, однако, что есть два вида бессознательного: латентное, но способное к осознанию, и вытесненное – само по себе и без дальнейшего неспособное для осознания. Наше представление о психической динамике не может не повлиять на номенклатуру и описание. Мы называем латентное – бессознательное – только в дескриптивном, а не в динамическом смысле, предсознательным. названием бессознательного мы ограничиваем только динамически бессознательно вытесненное и получаем, таким образом, три термина: сознательное (СЗ), предсознательное (ПСЗ) и бессознательное (БСЗ), смысл которых – уже не чисто дескриптивный. ПСЗ, как мы думаем, гораздо ближе к G3, чем БСЗ, и так как БСЗ мы назвали психическим, то тем увереннее отнесем это название к латентному ПСЗ. Но не остаться ли нам лучше в добром согласии с философами и не отделить ли ПСЗ и БСЗ, как естественное следствие, от сознательного психического? Тогда философы предложили бы нам описать ПСЗ и БСЗ как два вида или две ступени психоида, и согласие было бы восстановлено. Но следствием этого были бы бесконечные затруднения при описании, и единственно важный факт – именно тот, что эти психоиды почти во всех остальных пунктах совпадают с признанно психическим – был бы оттеснен на задний план из-за предубеждения, которое создалось в те времена, когда еще не знали о психоидах или о самом о них важном.

Мы, однако, пришли к термину или понятию о бессознательном другим путем, а именно – обработкой опыта, в котором играет роль психическая динамика. Мы узнали, т.е. должны были признать, что есть сильные психические процессы или представления (здесь, прежде всего, важен квантитативный, значит, экономический момент), которые для психической жизни могут, иметь все те последствия, что и прочие представления, в том числе и такие последствия, которые могут быть вновь осознаны как представления, но они сами не осознаются. Нет надобности подробно описывать здесь то, что уже так часто излагалось. Короче говоря, тут вступает в действие психоаналитическая теория и заявляет, что такие представления не могут быть осознаны, так как этому противится известная сила; что в иных случаях они могли бы быть осознаны, и тогда было бы видно, как мало они отличаются от других, признанных психических элементов. Эта теория становится неопровержимой ввиду того, что в психоаналитической технике нашлись средства, которыми можно прекратить действие сопротивляющейся силы и сделать данные представления сознательными. Состояние, в котором они находились до осознания, мы называем вытеснением, а силу, которая привела к вытеснению и его поддерживала, мы ощущаем во время аналитической работы как сопротивление.

Теперь мы удобно можем, манипулировать нашими тремя терминами СЗ, ПСЗ и БСЗ, если только не будем забывать, что в дескриптивном смысле имеется– два вида бессознательного, а в динамическом –только один. Для ряда целей изложения мы можем опустить это деление, но для других оно, конечно, необходимо. Мы все же к этому двоякому значению бессознательного более или менее привыкли и хорошо с ним уживались. Но уклониться от этой двойственности, насколько я вижу, нельзя. Различение сознательного и бессознательного является, в конце концов, вопросом восприятия, на который можно ответить «да» и «нет»; сам же акт восприятия не, дает нам никакой справки о том, по какой причине что-то воспринимается или не воспринимается. Нельзя жаловаться на то, что динамическое в своем проявлении получает лишь двусмысленное выражение[1].

Поскольку на решение в таком вопросе, зависящем или от традиций или от эмоциональных моментов, можно повлиять аргументацией, следует по этому поводу заметить следующее: указание на шкалу отчетливости осознанности не содержит ничего обязательного и имеет не больше доказательности, чем, например, аналогичные положения; есть столько ступеней освещения, начиная от резкого, слепящего света и кончая слабыми проблесками мерцания, что темноты, следовательно, вообще не существует; или – есть различные степени витальности, значит, нет смерти. Эти положения, быть может, в известном смысле и содержательны, но практически они неприменимы, и это тотчас же обнаруживается, если выводить из "них заключения, например: значит, света зажигать не надо или, следовательно, все организмы бессмертны. А кроме того, приравнением незаметного к сознательному достигается лишь то, что отнимается единственная непосредственная достоверность, вообще имеющаяся у психики. Сознание, о котором ничего не знаешь; кажется мне все же много абсурднее, чем бессознательное психическое. И, наконец, такое приравнивание незамеченного к бессознательному производилось, очевидно, без учета .динамических соотношений, которые для психоаналитического понимания были решающими, ибо при этом не учтены два факта: во-первых, что посвятить такому незамеченному достаточно внимания очень трудно и требует большого напряжения; во-вторых, если это и достигнуто, то ранее незамеченное теперь не узнается сознанием, а довольно часто кажется ему совершенно чуждым, противоречащим, и резко им отвергается. Рекурс бессознательного на мало замеченное и незамеченное исходит, следовательно, только из предубеждения, для которого идентичность психического с сознательным раз и навсегда установлена.

В дальнейшем течении психоаналитической работы выясняется, что и эти подразделения недостаточны и практически неудовлетворительны. Среди возникающих ситуаций отметим следующую как решающую: мы создали себе представление о связной организации психических процессов в личности и называем эту организацию «Я» личности. К этому «Я» прикреплено сознание, оно владеет подступами к мотилитетности, т.е. к разрядке раздражений во внешний мир. Это та психическая инстанция, которая производит контроль над всеми своими частичными процессами; ночью она засыпает, но и тогда все еще управляет цензурой сновидений. От этого «Я» исходят и вытеснения, при помощи которых известные психические стремления должны быть исключены не только из сознания, но и из

---

[1] *Здесь следует отметить недавнее изменение в критике бессознательного. Многие исследователи, не отвергающие признания психоаналитических фактов, но не соглашающиеся с существованием бессознательного, получают сведения, опираясь на неоспоримый факт, что сознание как феномен содержит в себе большой ряд ступеней интенсивности или отчетливости. Как есть процессы, которые очень живы, резки и явно сознательны, так мы переживаем и другие, лишь слабо, едва заметно осознаваемые; а слабее всего, якобы, осознаются именно те, которые психоанализ хочет назвать неподходящим словом бессознательные. Но они, будто бы, в то же время и осознаны или находятся «в сознании», и их можно сделать в полной мере осознанными, если им уделить достаточно внимания.*

других видов значимости и действительности. Все это, устраненное вытеснением, в анализе противостоит «Я», а анализу ставится задача – уничтожить сопротивление, которое «Я» проявляет к вниманию, уделяемому анализом вытесненному. Во время анализа мы наблюдаем, что больной испытывает затруднения, когда мы ставим ему известные задачи: его ассоциации отказываются работать, когда они должны приблизиться к вытесненному. В таком случае мы говорим ему, что он находится под властью сопротивления, но ничего об этом не знает; даже в том случае, когда он по чувству своего неудовольствия угадал бы, что теперь в нем действует сопротивление, то он не может его назвать или на него указать. Но так как это сопротивление несомненно исходит из его «Я» и является принадлежностью «Я», то мы оказываемся в непредвиденной ситуации. В самом «Я» мы нашли что-то, что тоже бессознательно и проявляет себя точно так, как и вытесненное, т. е. оно сильно воздействует, не будучи сознательным; – для того, чтобы сделать его сознательным, нужна особая работа. Для аналитической практики следствием этого опыта будет то, что мы попадаем в бесконечные неясности и затруднения, если захотим придерживаться нашего обычного способа выражения и захотим, например, привести невроз к конфликту между сознательным и бессознательным. Вместо этого противоположения, мы, опираясь на наши представления о структурных соотношениях психической жизни, вводим другое: противоположность между связным «Я» и отклонившимся от него вытесненным. Но следствия для нашего представления о бессознательном еще значительнее. Динамическое рассмотрение внесло первую корректуру; структурное понимание дает вторую. Мы видим, что БСЗ не совпадает свытесненным. Правильно, что все вытесненное – БСЗ, но, в то же время, и не все БСЗ вытеснено. Так же и часть «Я» (один Бог знает, какая важная часть!) может быть БСЗ и, несомненно, и есть БСЗ. И это БСЗ не латентно в духе ПСЗ, иначе его нельзя было бы активизировать, не делая СЗ, и доведение его до осознанности не представляло бы таких больших затруднений. Если мы поставлены перед необходимостью выдвинуть третье – не вытесненное БСЗ, то мы должны признать, что значение характера неосознанности для нас уменьшается. Он становится многозначным качеством, не допускающим широких и исключительных выводов, в целях которых мы бы его охотно использовали. Однако мы должны остерегаться небрежного к нему отношения, так как, в конце концов, это качество – сознательно или бессознательно – является единственным светочем в потемках глубинной психологии.

II Я и Оно

Патологическое исследование слишком исключительным образом концентрировало наш интерес на вытесненном. С тех пор, как мы знаем, что и «Я» может быть бессознательным в собственном смысле слова, нам хотелось бы узнать о нем больше. До сих пор в наших исследованиях единственным опорным пунктом был признак сознательности или бессознательности; и, наконец, мы увидели, насколько это может быть многозначным.

Все наше знание всегда связано с сознанием. Ведь и БСЗ мы можем узнать только путем того, что делаем его сознательным. Но как же это возможно? Что значит «сделать что-то сознательным»? Как это происходит?

Мы уже знаем, где нам искать для этого исходную точку. Мы оказали, что сознание является поверхностью психического аппарата, т. е. мы приписали его в качестве функции одной системы, которая пространственно ближе всего внешнему миру. Впрочем, пространственно не только в смысле функции, но на этот раз и в смысле анатомического

расчленения. Наше исследование тоже должно принять эту воспринимающую поверхность за исходную точку.

Скажу заранее, что СЗ – все восприятия, приходящие извне (чувственные восприятия), и изнутри – то, что мы называем ощущениями и чувствами. Но как обстоит дело с теми внутренними процессами, которые мы – вчерне и неточно – можем обобщить как мыслительные процессы? Они протекают где-то в глубине аппарата в виде смещений психической энергии по пути к действию, но доходят ли они до поверхности, которая дает возникнуть сознанию? Или сознание доходит до них? Мы замечаем, что это – одно из тех затруднений, появляющихся, когда хочешь взять всерьез пространственное, топическое представление о психической деятельности. Обе возможности одинаково немыслимы, вероятно правильно что-то третье.

В другом месте я уже высказал предположение, что действительное различие между БСЗ и ПСЗ представлениями заключается в том, что первое происходит на каком-то материале, остающемся неизвестным, в то время как у последнего (ПСЗ) добавляется соединение с словесными представлениями. Этим впервые делается попытка придать обеим системам, ПСЗ и БСЗ, отличительные знаки – иные, чем отношение к сознанию. Вопрос – как что-то осознается? – целесообразнее выражен следующим образом: как что-то предсознается? И ответ был бы: путем связи с соответствующими словесными представлениями.

Эти словесные представления являются остатками воспоминаний – когда-то они были восприятиями и, как все остатки воспоминаний, могут быть снова осознаны. Но прежде, чем продолжать говорить о их природе, выскажем новое, появившееся у нас представление: сознательным может стать только то, что когда-то уже было СЗ восприятием и что, помимо чувств изнутри, хочет стать сознательным; оно должно сделать попытку превратиться во внешние восприятия. Это делается возможным при помощи следов воспоминаний.

Мы представляем себе, что остатки воспоминаний содержатся в системах, непосредственно соприкасающихся с системой В-СЗ, так что их загрузки легко могут распространиться изнутри на элементы этой системы. При этом тотчас же приходят в голову галлюцинации и тот факт, что самое живое воспоминание все же можно отличить как от галлюцинации, так и от внешнего восприятия; но так же быстро устанавливается суждение, что при оживлении воспоминания нагрузка сохраняется в воспоминательной системе, в то время как не отличимая от восприятия галлюцинация может возникнуть тогда, когда загрузка не только частично переходит со следов воспоминаний на систему В, но и целиком на нее переходит.

Остатки слов происходят, в основном, от акустических восприятий, так что этим дается одновременно особое чувственное происхождение системы ПСЗ. Зрительные составные части словесного представления можно пока оставить без внимания, так как они вторичны и приобретены чтением; то же касается зрительных образов слова, которые, кроме как у слепых, играют роль подкрепляющих знаков. Ведь слово, собственно говоря, – остаток воспоминания о слышанном слове.

Мы не должны, для упрощения, например, забывать о значении оптических остатков воспоминаний о вещах или отрицать возможность осознания мыслительных процессов при помощи возврата к зрительным остаткам (а это, как будто, многими людьми предпочитается). Изучение сновидений и предсознательных фантазий, по наблюдениям И. Фэрендонка, может дать нам представление о своеобразии этого зрительного мышления. Мы узнаем, что при этом большей частью осознается только конкретный материал мысли, но

соотношениям, особо характеризующим мысль, нельзя дать зрительного выражения. Итак, мышление образами лишь весьма несовершенное осознание. Оно, кроме того, как-то ближе к бессознательным процессам, чем мышление словами, и, несомненно, онто– и филогенетически старше, чем последнее.

Вернемся к нашей аргументации: если, следовательно, таков путь, каким нечто, само по себе бессознательное, делается предсознательным, то на вопрос – как что-то вытесненное сделать (пред) сознательным, – следует ответить следующим образом: нужно такие ПСЗ средние звенья восстановить аналитической работой. Сознание остается, следовательно, на своем месте, но и БСЗ не поднялось до СЗ.

В то время, как отношение внешнего восприятия к «Я» совершенно явно, отношение внутреннего восприятия к «Я» требует особого исследования. Оно еще раз вызывает сомнение, – правильно ли мы поступаем, когда все сознание относим к поверхностной системе В-СЗ.

Внутреннее восприятие дает ощущение процессов из различнейших, конечно, и самых глубоких слоев психического аппарата. Они малоизвестны – их лучшим – вчерне и неточно – можем обобщить как мыслительные процессы? Они протекают где-то в глубине аппарата в виде смещений психической энергии по пути к действию, но доходят ли они до поверхности, которая дает возникнуть сознанию? Или сознание доходит до них? Мы замечаем, что это – одно из тех затруднений, появляющихся, когда хочешь взять всерьез пространственное, топическое представление о психической деятельности. Обе возможности одинаково немыслимы, вероятно правильно что-то третье.

В другом месте я уже высказал предположение, что действительное различие между БСЗ и ПСЗ представлениями заключается в том, что первое происходит на каком-то материале, остающемся неизвестным, в то время как у последнего (ПСЗ) добавляется соединение с словесными представлениями. Этим впервые делается попытка придать обеим системам, ПСЗ и БСЗ, отличительные знаки – иные, чем отношение к сознанию. Вопрос – как что-то осознается? – целесообразнее выражен следующим образом: как что-то предсознается? И ответ был бы: путем связи с соответствующими словесными представлениями.

Эти словесные представления являются остатками воспоминаний – когда-то они были восприятиями и, как все остатки воспоминаний, могут быть снова осознаны. Но прежде, чем продолжать говорить о их природе, выскажем новое, появившееся у нас представление: сознательным может стать только то, что когда-то уже было СЗ восприятием и что, помимо чувств изнутри, хочет стать сознательным; оно должло сделать попытку превратиться во внешние восприятия. Это делается возможным при помощи следов воспоминаний.

Мы представляем себе, что остатки воспоминаний содержатся в системах, непосредственно соприкасающихся с системой В-СЗ, так что их загрузки легко могут распространиться изнутри на элементы этой системы. При этом тотчас же приходят в голову галлюцинации и тот факт, что самое живое воспоминание все же можно отличить как от галлюцинации, так и от внешнего восприятия; но так же быстро устанавливается суждение, что при оживлении воспоминания нагрузка сохраняется в воспоминательной системе, в то время как не отличимая от восприятия галлюцинация может возникнуть тогда, когда загрузка не только частично переходит со следов воспоминаний на систему В, но и целиком на нее переходит.

Остатки слов происходят, в основном, от акустических восприятий, так что этим дается одновременно особое чувственное происхождение системы ПСЗ. Зрительные составные

части словесного представления можно пока оставить без внимания, так как они вторичны и приобретены чтением; то же касается зрительных образов слова, которые, кроме как у слепых, играют роль подкрепляющих знаков. Ведь слово, собственно говоря, – остаток воспоминания о слышанном слове.

Мы не должны, для упрощения, например, забывать о значении оптических остатков воспоминаний о вещах или отрицать возможность осознания мыслительных процессов при помощи возврата к зрительным остаткам (а это, как будто, многими людьми предпочитается). Изучение сновидений и предсознательных фантазий, по наблюдениям И. Фэрендонка, может дать нам представление о своеобразии этого зрительного мышления. Мы узнаем, что при этом большей частью осознается только конкретный материал мысли, но соотношениям, особо характеризующим мысль, нельзя дать зрительного выражения. Итак, мышление образами лишь весьма несовершенное осознание. Оно, кроме того, как-то ближе к бессознательным процессам, чем мышление словами, и, несомненно, онто– и филогенетически старше, чем последнее.

Вернемся к нашей аргументации: если, следовательно, таков путь, каким нечто, само по себе бессознательное, делается предсознательным, то на вопрос – как что-то вытесненное сделать (пред) сознательным, – следует ответить следующим образом: нужно такие ПСЗ средние звенья восстановить аналитической работой. Сознание остается, следовательно, на своем месте, но и БСЗ не поднялось до СЗ.

В то время, как отношение внешнего восприятия к «Я» совершенно явно, отношение внутреннего восприятия к «Я» требует особого исследования. Оно еще раз вызывает сомнение, – правильно ли мы поступаем, когда все сознание относим к поверхностной системе В-СЗ.

Внутреннее восприятие дает ощущение процессов из различнейших, конечно, и самых глубоких слоев психического аппарата. Они малоизвестны – их лучшим примером может еще послужить ряд наслаждение – неудовольствие. Они непосредственнее и элементарнее, чем восприятия, идущие извне, и могут возникнуть и в состоянии смутного сознания. Об их большом экономическом значении и метапсихологическом его обосновании я уже высказался в другом месте. Эти ощущения мультилокулярны, как и внешние восприятия; они могут приходить одновременно из разных мест и при этом могут иметь различные и даже противоположные качества.

Ощущения с характером наслаждения не имеют в себе ничего, настойчиво требующего, но, напротив, это качество в высшей степени выявляется в ощущениях неудовольствия. Эти последние требуют перемены разрядки, и поэтому мы толкуем неудовольствие как повышение, а удовольствие как понижение загрузки энергией. Если в психическом процессе мы назовем нечто осознаваемое как наслаждение или неудовольствие квантитативно-квалитативно «другим», то возникает вопрос: может ли такое «другое» осознаваться на месте или его надо довести до системы В.

Клинический опыт останавливается на последнем. Он показывает, что «другое» ведет себя так, как вытесненное побуждение. Оно может развить движущие силы, причем «Я» не заметит принуждения. Только сопротивление принуждению, задержка в реакции разрядки тотчас дает осознать это другое как неудовольствие. Так же, как и напряжения, вызываемые потребностями, и боль может оставаться чем-то «средним» между внешним и внутренним восприятием; она проявляет себя как внутреннее восприятие и в том случае, когда причины ее исходят из внешнего мира. Таким образом, верно, что и ощущения и чувства делаются сознательными только тогда, когда прибывают в систему В. Если переход прегражден, то

они не превращаются в ощущения, хотя в процессе раздражений соответствующее им «другое» то же самое. Сокращенно и не совсем правильно мы говорим тогда о бессознательных ощущениях и удерживаем не вполне оправданную аналогию с бессознательными представлениями. Разница заключается в том, что для того, чтобы сделать БСЗ представление СЗ, надо сначала создать для него соединительные звенья, а для ощущений, передающихся непосредственно, это отпадает. Иными словами: различие СЗ и ПСЗ для ощущений не имеет смысла. ПСЗ здесь отпадает – ощущения или сознательны или бессознательны.

Теперь .полностью выясняется роль словесных представлений. При их посредстве внутренние мыслительные процессы становятся восприятиями. Кажется, будто доказывается положение: всезнание исходит из внешнего восприятия. При перегрузке мышления мысли, действительно, воспринимаются как бы извне и поэтому считаются верными.

После этого выяснения соотношений между внешним и внутренним восприятием и поверхностной системой В-СЗ мы можем приступить к выработке нашего представления о «Я». Мы видим, что оно исходит из В как своего ядра и затем охватывает ПСЗ, опирающееся на остатки воспоминаний. Но и «Я», как мы узнали, тоже бессознательно.

Мне думается, что будет очень полезно последовать за мыслями автора, который тщетно, из личных мотивов, уверяет, что не имеет ничего общего со строгой высокой наукой. Я имею в виду Г.Гроддека, постоянно подчеркивающего, что то, что мы называем нашим «Я», в основном ведет себя в жизни пассивно, и что нас, по его выражению, «изживают» незнакомые, не поддающиеся подчинению силы. У нас – впечатления те же, хотя они и не подчинили нас себе настолько, чтобы мы исключили все остальное; мы готовы предоставить выводам Гроддека надлежащее место в архитектуре науки. Предлагаю отдать должное его идеям следующим образом: назовем «Я» существо, исходящее из системы В и сначала являющееся ПСЗ; все остальное психическое, в котором оно себя продолжает и которое проявляется как БСЗ, назовем по обозначению Гроддека «Оно»[2].

Мы скоро увидим, можно ли из этого представления извлечь пользу для описания и понимания. Теперь индивид для нас – психическое «Оно» неузнанное и бессознательное, на котором поверхностно покоится «Я», развитое из системы В как ядра. Если изобразить это графически, то следует прибавить, что «Я» не целиком охватывает «Оно», а только постольку, поскольку система В образует его поверхность, т. е. примерно так; как пластинка зародыша покоится на яйце. «Я» не четко отделено от «Оно», книзу оно с ним сливается.

Но и вытесненное сливается с «Оно» – оно является лишь его частью. Вытесненное только от «Я» резко отграничено сопротивлениями вытеснения; при помощи «Оно» оно может с ним сообщаться. Мы тотчас распознаем, что все подразделения, описанные нами по почину патологии, относятся к только нам и известным поверхностным слоям психического аппарата. Эти соотношения мы могли бы представить в виде рисунка, контуры которого, конечно, только и представляют собой изображение и не должны претендовать на особое истолкование.

Прибавим еще, что «Я» имеет «слуховой колпак», причем – по свидетельству анатомов – только на одной стороне. Он, так сказать, криво надет на «Я». Легко убедиться в том, что «Я» является измененной частью «Оно». Изменение произошло вследствие прямого влияния внешнего мира при посредстве В-СЗ. «Я» – до известной степени продолжение

---

[2] *Сам Гроддек, вероятно, последовал примеру Ницше, который постоянно употребляет это грамматическое выражение для обозначения безличного и, так сказать, природно-необходимот в нашем существе.*

дифференциации поверхности. Оно стремится также применить на деле влияние внешнего мира и его намерений и старается принцип наслаждения, неограниченно царящий в «Оно», заменить принципом реальности. Восприятие для «Я» играет ту роль, какую в «Оно» занимает инстинкт. «Я» репрезентирует то, что можно назвать рассудком и осмотрительностью. «Оно», напротив, содержит страсти. Все это совпадает с общественными популярными делениями, но его следует понимать лишь как среднее – или в идеале правильное.

Функциональная важность «Я» выражается в том, что в нормальных случаях оно владеет подступами к подвижности. В своем отношении к «Оно» оно похоже на всадника, который должен обуздать превосходящего его по силе коня; разница в том, что всадник пытается сделать это собственными силами, а «Я» – заимствованными. Если всадник не хочет расстаться с конем, то ему не остается ничего другого, как вести коня туда, куда конь хочет; так и «Я» превращает волю «Оно» в действие, как будто бы это была его собственная воля.

На возникновение «Я» и его отделение от «Оно», кроме влияния системы В, по-видимому, повлиял и еще один момент. Собственное тело и, прежде всего, его поверхность являются тем местом, из которого одновременно могут исходить внешние и внутренние восприятия. Оно рассматривается как другой объект, но на ощупывание реагирует двумя видами ощущений, из которых одно можно приравнять к внутреннему восприятию. В психофизиологии достаточно объяснялось, каким образом собственное тело выделяет себя из мира восприятий. Боль, по-видимому, тоже играет роль, а способ, каким при болезненных заболеваниях приобретается новое знание о своих органах, может, вероятно, служить примером способа, каким человек вообще приобретает представление о собственном теле.

«Я», прежде всего, – телесно; оно не только поверхностное существо, но и само – проекция поверхности. Если искать для него анатомическую аналогию, то легче всего идентифицировать его с «мозговым человеком» анатома, полагающего, что этот человек стоит в мозговой коре на голове; пятки у него торчат вверх, смотрит он назад, а на его левой стороне, как известно, находится зона речи.

Отношение «Я» к сознанию разбиралось неоднократно, но здесь следует заново описать некоторые важные факты. Мы привыкли везде применять точку зрения социальной и этической оценки и поэтому не удивимся, если услышим, что деятельность низших страстей протекает в бессознательном; но мы ожидаем, что психические функции получают доступ к сознанию тем легче, чем выше они оцениваются с этой точки зрения. Но здесь нас разочаруют данные психоаналитического опыта. С одной стороны, у нас есть доказательства, что даже тонкая и трудная интеллектуальная работа, обычно, требующая напряженного размышления, может совершаться и бессознательно – не доходя до сознания. Эти факты несомненны; они случаются, например, в период сна и выражаются в том, что известное лицо непосредственно после пробуждения знает ответ на трудную математическую или другую проблему, над решением которой оно напрасно трудилось днем раньше.

Но гораздо более смущают нас другие данные нашего ответа: из наших анализов мы узнаем, что есть лица, у которых самокритика и совесть, т. е. психическая работа с безусловно высокой оценкой, являются бессознательными и, будучи бессознательными, производят чрезвычайно важное воздействие; таким образом, продолжающаяся бессознательность сопротивления при анализе отнюдь не единственная ситуация такого рода. Но новый опыт, несмотря на наше лучшее критическое понимание заставляющий нас

говорить о бессознательном чувстве вины, смущает нас гораздо больше и ставит нас перед новыми загадками, особенно когда мы постепенно начинаем догадываться, что такое бессознательное чувство вины экономически играет решающую роль в большом числе неврозов и сильнейшим образом препятствует излечению. Если вернуться к нашей шкале ценностей, то мы должны сказать: в «Я не только самое глубокое, но и самое высокое может быть бессознательным. Кажется, будто нам таким способом демонстрируется-то, что мы раньше высказали о сознательном „Я“, а именно: что оно, прежде всего, „телесное Я“.

III «Я» И «СВЕРХ-Я». («ИДЕАЛ Я»)

Если бы «Я» было только частью «Оно», модифицированным влиянием системы восприятий – представителем реального внешнего мира в психике, то мы имели бы дело с простым положением вещей. Добавляется, однако, еще нечто другое.

Мотивы, побудившие нас предположить в «Я» еще одну ступень – дифференциацию внутри самого «Я» – назвать эту ступень «Идеалом Я» или «Сверх-Я», разъяснены в других местах. Эти мотивы обоснованные[3]. Новостью, требующей объяснения, является то, что эта часть «Я» имеет менее тесное отношение к сознанию.

Здесь мы должны несколько расширить пояснения. Нам удалось разъяснить болезненные страдания меланхолии предположением, что в «Я» снова восстанавливается потерянный объект, то есть, что загрузка объектом сменяется идентификацией. Но тогда мы еще не вполне поняли полное значение этого процесса и не знали, насколько он част и типичен. Позднее мы поняли, что такая замена играет большую роль в оформлении «Я» и значительно способствует становлению того, что называют своим характером.

Первоначально в примитивной оральной фазе индивида, вероятно, нельзя отличить загрузку объектом от идентификации. В дальнейшем можно только предположить, что загрузки объектом исходят от «Оно», для которого эротические стремления являются потребностями. «Я», вначале еще слабоватое, получает сведения о загрузках объектом, соглашается с ними или противится им процессом сопротивления[4].

Если такой сексуальный объект нужно или должно покинуть, то для этого нередко происходит изменение «Я», которое, как и в меланхолии, следует описать как восстановление объекта в «Я». Более подробные условиявия этой замены нам еще неизвестны. Может быть, «Я» облегчает или делает возможным отдачу объекта при помощи этой интроекцийи представляющей собой род регресса к механизму оральной фазы. Может быть, эта идентификация и вообще является условием, при котором «Оно» покидает свои объекты. Во всяком случае этот процесс – особенно в ранних фазах развития – очень част и дает возможности представлению, что характер «Я» является осадком покинутых загрузок объектом, т. е. содержит историю этих выборов объекта. Поскольку характер какой-нибудь личности отвергает или воспринимает эти влияния из истории эротических выборов объекта,

---

[3] Только то, что функцию проверки реальности я приписал этому «Сверх-Я», кажется ошибочным и нуждается в корректуре. Отношениям «Я» к миру восприятий несомненно соответствовало бы, если бы проверка реальности оставалась его собственной задачей. Также и прежние, довольно неопределенные высказывания о ядре «Я» должны теперь быть исправлены в том смысле, что только систему В-СЗ можно признать ядром «Я».

[4] Интересную параллель к замене объекта представляет собой вера примитивного человека в то, что свойства съеденного животного переходят к тому, кто его съел. Интересны и основанные на этом запреты. Как известно, эта вера участвует и в обосновании каннибализма и продолжает свое действие во всем ряде обычаев тотемической трапезы вплоть до Св. Причастия. Следствия, которые приписываются здесь оральному овладению объектом, действительны и для позднейшего сексуального выбора объекта и прекрасно с ним совпадают.

то надо, конечно, с самого начала признать шкалу сопротивляемости. У женщин с большим любовным опытом можно, по-видимому, легко доказать в чертах характера остатки из загрузок объектом. Следует принять во внимание и одновременность загрузки объектом и идентификации, т. е. изменение характера в момент, когда объект еще не покинут. В этом случае изменение характера по длительности могло бы пережить отношение к объекту и в известном смысле это отношение консервировать.

Другая точка зрения устанавливает, что это превращение эротического выбора объекта в изменение «Я» является и тем путем, каким «Я» может овладеть «Оно» и может углубить свои к нему отношения; правда, это совершается за счет широкой податливости к его переживаниям. Если «Я» принимает черты объекта, то оно само, так сказать, напрашивается в объект любви для «Оно»; оно стремится возместить ему эту потерю и говорит: «Посмотри-ка, ты можешь полюбить и меня, ведь я так похоже на объект».

Происходящее здесь превращение либидо объекта в нарцистическое либидо очевидно приводит к отходу от сексуальных целей – к десексуализации, т. е. к своего рода сублимации. Да, возникает вопрос, достойный более подробного рассмотрения, а именно: не является ли это общим путем к сублимации; не происходит ли всякая сублимация при посредстве «Я», которое сначала превращает сексуальное либидо объекта в нарцистическое, чтобы затем, может быть, поставить ему другую цель[5]. Позже мы займемся вопросом, не повлияет ли это превращение и, на судьбу других первичных позывов, не поведет ли за собой распада, например, различных слитых друг с другом первичных позывов.

Мы теперь отвлекаемся от нашей цели, но нельзя не остановиться еще раз на объектных идентификациях «Я». Если таковые берут верх, делаются слишком многочисленными, слишком сильными и неуживчивыми между собой, то можно ожидать патологического результата. Дело может дойти до расщепления «Я», причем отдельные идентификации путем сопротивлений замыкаются друг от друга; может быть, тайна случаев так называемой множественной личности заключается в том, что отдельные идентификации, сменяясь, овладевают сознанием. Если дело даже и не заходит так далеко, все же создается тема конфликтов между отдельными идентификациями, на которые раскалывается «Я»; конфликты эти, в конце концов, не всегда могут быть названы патологическими.

В какую бы форму ни вылилось дальнейшее сопротивление характера влияниям покинутых загрузок объектом, все же воздействие первых идентификаций, происходивших в самые ранние годы, будет общим и длительным. Это возвращает нас к возникновению «Идеала Я», так как за ним кроется первая и самая значительная идентификация индивида, а именно – идентификация с отцом личного правремени[6]. Она, по-видимому, не результат или исход загрузки объектом; это – идентификация прямая и непосредственная, и по времени – она раньше любой загрузки объектом. Но выборы объекта, протекающие в первый сексуальный период и относящиеся к отцу и матери, по-видимому, нормально завершаются такой индентификацией и, таким образом, усиливают первичную индентификацию.

Эти соотношения все же настолько сложны, что необходимо описать их подробнее. Два

---

[5] *Согласно смыслу введения в нарциссизм, мы теперь, после отделения «Я» от «Оно», должны признать «Оно» большим резервуаром либидо. Либидо, протекающее к «Я» путем описанных идентификаций, создает его вторичный нарциссизм.*

[6] *Может быть, осторожнее было бы сказать – с родителями, так как отец и мать не расцениваются различно до того времени, пока не получается точное знание о полном различии – отсутствии пениса. Из истории одной молодой женщины я недавно узнал, что с тех пор, .как она заметила у себя отсутствие пениса, она полагала, что этого органа нет у женщин, но не у всех, а только у тех, кого она считала -неполноценными. У ее матери он, по ее мнению, сохранился. Для более простого изложения я рассмотрю лишь идентификацию с отцом.*

момента создают эту компликацию, а именно: треугольная структура Эдипова комплекса и бисексуальность конституции индивида.

Упрощенный случай принимает для ребенка мужского пола следующий вид: уже в совсем ранние годы он развивает в отношении матери загрузку объектом, которая исходной точкой имеет материнскую грудь и является образцовым примером выбора объекта по типу нахождения опоры, отцом мальчик овладевает путем идентификации. Оба эти отношения некоторое время идут параллельно; но затем, вследствие усиления сексуальных желаний в отношении матери и сознания, что отец для этих желаний является препятствием, возникает Эдипов комплекс. Идентификация с отцом принимает враждебную окраску, обращается в желание его устранить, чтобы занять его место у матери. С этого момента отношение к отцу амбивалентно; кажется, что амбивалентность, с самого начала имевшаяся в идентификации, теперь становится явной. Амбивалентная установка к отцу и только нежное объектное стремление к матери являются для мальчика содержанием простого позитивного Эдипова комплекса.

При разрушении Эдипова комплекса загрузка объектом-матерью должна быть покинута. Вместо нее могут возникнуть два случая: или идентификация с матерью или усиление идентификации с отцом. Последний случай мы считаем более нормальным, так как он позволяет сохранить в известной степени нежное отношение к матери. Гибель Эдипова комплекса укрепила бы, таким образом, мужественность в характере мальчика. Эдипова установка маленькой девочки совсем аналогичным образом может окончиться усилением идентификации себя с матерью (или созданием такой идентификации), и это установит женственный характер ребенка.

Эти идентификации не оправдывают наших ожиданий, так как они не вводят в «Я» покинутого объекта; но бывает и такой исход, и у девочек он наблюдается чаще, чем у мальчиков. Очень часто из анализа узнаешь, что после того, как пришлось отказаться от отца как объекта любви, маленькая девочка развивает в себе мужественность и идентифицирует себя уже не с матерью, а с отцом, т. е. потерянным объектом. Очевидно, все зависит от того, достаточно ли сильны ее мужские свойства, в чем бы они ни состояли.

По-видимому, исход Эдипова комплекса в идентификации с отцом или матерью у обоих полов зависит от относительной силы свойств того или другого пола. Это – один из видов, какими бисексуальность вторгается в судьбы Эдипова комплекса. Другой вид еще важнее. Получается впечатление, что простой Эдипов комплекс – вообще не самое частое явление; он скорее соответствует упрощению или схематизации, которая достаточно часто оправдывается на практике. Более подробное исследование обнаруживает чаще всего более полный Эдипов комплекс, который является двояким – позитивным и негативным, в зависимости от бисексуальности ребенка, т. е. у мальчика – не только амбивалентная установка к отцу и нежный выбор объекта-матери, но одновременно он и ведет себя как девочка -проявляет нежную женственную установку к отцу и соответствующую ей, ревниво-враждебную, к матери. Это участие бисексуальности очень мешает рассмотреть условия примитивных выборов объекта и еще больше затрудняет их ясное описание. Возможно, что и амбивалентность, констатированную в отношении к родителям, следовало бы безусловно отнести к бисексуальности, а не к развитию из идентификации вследствие установки соперничества, как я это изложил ранее.

Мне думается, что будет целесообразным принять существование полного Эдипова комплекса вообще и, особенно, у невротиков. Аналитический опыт показывает тогда, что в некотором количестве случаев часть комплекса исчезает до едва заметного следа; тогда

получается ряд, на одном конце которого находится нормальный позитивный, а на другом – обратный негативный Эдипов комплекс; средние же звенья выявляют совершенную форму с неравным участием обоих компонентов. При гибели Эдипова комплекса четыре содержащиеся в нем стремления сложатся таким образом, что из них получится идентификация с отцом и идентификация с матерью; идентификация с отцом удержит объект-мать позитивного комплекса и одновременно объект-отца обратного комплекса; аналогичное явление имеет место при идентификации с матерью. В различной силе выражения обеих идентификаций отразится неравенство обоих половых данных.

Таким образом, можно предположить, что самым общим результатом сексуальной фазы, находящейся во власти Эдипова комплекса, является конденсат в «Я», состоящий в возникновении этих двух, как-то между собою связанных идентификаций. Это изменение «Я» сохраняет свое особое положение, оно противостоит другому содержанию «Я» как «Идеал Я» или «Сверх-Я».

Но «Сверх-Я» – не просто осадок первых выборов объекта, производимых «Оно»; «Сверх-Я» имеет и значение энергичного образования реакций против них. Его отношение к «Я» не исчерпывается напоминанием – таким (как отец) ты должен быть, но включает и запрет: таким (как отец) ты не имеешь права быть, ты не можешь делать все, что делает он, на многое только он имеет право. Это двойное лицо «Идеала Я» проистекает из факта, что «Идеалу Я» пришлось трудиться над вытеснением Эдипова комплекса, более того, что само оно и возникло даже в результате этого перелома. Вытеснение Эдипова комплекса было, очевидно, нелегкой задачей. Так как родители, особенно отец, признаются препятствием для осуществления Эдиповых желаний, то инфантильное «Я» укрепилось для этой работы вытеснения, создав это же самое препятствие. Оно в некотором роде заимствовало для этого силу от отца, и это заимствование есть акт с исключительно серьезными последствиями. «Сверх-Я» сохранит характер отца, и чем сильнее был Эдипов комплекс, чем быстрее (под влиянием авторитета, религиозного учения, обучения и чтения) произошло его вытеснение, тем строже «Сверх-Я» будет позже царить над «Я» как совесть, может быть, как бессознательное чувство вины. Позже я изложу предположение, откуда оно получает силу для этого господства, этот принудительный характер, проявляющий себя как категорический императив.

Если мы еще раз рассмотрим описанное нами возникновение «Сверх-Я», то мы признаем его результатом двух в высшей степени значительных биологических факторов, а именно: длительной детской беспомощности и зависимости человека, и факта наличия его, Эдипова комплекса, который мы ведь объяснили перерывом в развитии либидо, вызванным латентным временем, т. е. двумя – с перерывом между ними – началами его сексуальной жизни. Последнюю, как кажется, специфически человеческую – особенность психоаналитическая гипотеза представила наследием развития в направлении культуры, насильственно вызванным ледниковым периодом. Таким образом, отделение «Сверх-Я» от «Я» не является чем-то случайным: оно отображает самые значительные черты развития индивида и развития вида, и, кроме того, создает устойчивое выражение влияния родителей, т. е. увековечивает те моменты, которым оно само обязано своим происхождением.

Психоанализ постоянно упрекали в том, что он не озабочен высоким, моральным, сверхличным в человеке. Этот упрек был вдвойне несправедлив – и исторически, и методически: во-первых, потому, что моральным и эстетическим тенденциям в «Я» с самого начала был приписан, импульс к вытеснению; во-вторых, потому, что никто не хотел понять, что психоаналитическое исследование не могло выступать в виде философской системы с

законченным и готовым сводом научных положений, а должно было шаг за шагом пробивать себе дорогу к пониманию психических компликаций путем аналитического расчленения нормальных и анормальных феноменов. Нам не нужно было присоединяться к трусливой озабоченности о наличии в человеке высшего, пока мы должны были заниматься изучением вытесненного в психической жизни. А теперь, когда мы осмеливаемся приступить к анализу «Я», мы можем давать следующий ответ всем тем, кто был поколеблен в своем этическом сознании и жаловался, что ведь должно же быть в человеке высшее существо –мы отвечаем: конечно, и вот это и есть высшее существо – это «Идеал Я» или «Сверх-Я» – репрезентация нашего отношения к родителям. Мы знали эти высшие существа, когда были маленькими детьми, мы ими восхищались и их боялись, а позднее восприняли их в себя.

Таким образом, «Идеал Я» является наследием Эдипова комплекса и, следовательно, выражением наиболее мощных движений и наиболее важных судеб либидо в «Оно». Вследствие установления «Идеала Я», «Я» овладело Эдиповым комплексом и одновременно само себя подчинило «Оно». В то время, как «Я», в основном, является представителем внешнего мира, реальности, – «Сверх-Я» противостоит ему как поверенный внутреннего мира, мира «Оно». Мы теперь подготовлены к тому, что конфликты между «Я» и идеалам будут, в конечном итоге, отражать противоположность реального и психического, внешнего мира и мира внутреннего.

То, что биология и судьбы человеческого вида создали и оставили в «Оно», путем образования идеала передается в «Я» и вновь индивидуально в нем переживается. «Идеал Я», вследствие истории своего образования, имеет самую обширную связь с филогенетическим приобретением, – архаическим наследием отдельного человека. То, что в отдельной психической жизни было самым глубоким, становится путем создания идеала наивысшим в человеческой душе, соответственно нашей шкале оценок. Было бы напрасным трудом хотя бы приблизительно локализировать «Идеал Я» так, как мы локализируем «Я», или же поместить его в одно из тех сравнений, какими мы пытались изобразить отношения «Я» и «Оно».

Легко показать, что «Идеал Я» удовлетворяет всем требованиям, которые предъявляются к высшему существу в человеке. Как замену тоски по отцу, он содержит зародыш, из которого образовались все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении «Я» с его идеалом вызывает смиренное религиозное ощущение, на которое ссылается исполненный страстью томления верующий. В дальнейшем ходе развития учителя и авторитеты продолжали роль отца; их заповеди и запреты остались действенно мощными в «Идеале Я» и выполняют теперь в виде совести моральную цензуру. Напряжение между требованиями совести и достижениями «Я» ощущается как чувство вины. Социальные чувства основываются на идентификации себя с другими-на почве одинакового «Идеала Я».

Религия, мораль и социальное чувство – эти главные содержания высшего в человеке[7] – первоначально составляли одно целое. По гипотезе, изложенной в «Тотем и табу», они филогенетически приобретались в отцовском комплексе; религия и моральное ограничение – путем преодоления прямого Эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество, оставшееся между членами молодого поколения. Во всех этих этических приобретениях мужской пол шел, по-видимому, впереди; но скрещенная наследственность сделала их и достоянием женщин. У отдельного человека еще

[7] *Наука и искусство во внимание тут не приняты.*

и в наше время социальные чувства возникают как надстройка над ревнивым соперничеством между сестрами и братьями. Так как враждебность нельзя изжить, то создается идентификация с прежним соперником. Наблюдения над умеренными гомосексуалами поддерживают предположение, что и эта идентификация является заменой нежного выбора объекта, пришедшего на смену агрессивно-враждебной установке.

Но с упоминанием филогенезиса появляются новые проблемы, от разрешения которых хотелось бы робко уклониться. Но ничего не поделаешь, надо попытаться, даже если и боишься, что это обнаружит неудовлетворительность всех наших усилий. Вопрос таков: что в свое время приобрело религию и нравственность от отцовского комплекса – «Я» примитивного человека или его «Оно»? Если это было «Я», то почему мы не говорим, что оно просто все это унаследовало? А если это было «Оно», то как это согласуется с характером «Оно»? Может быть, дифференциацию на «Я», «Сверх-Я» и «Оно» нельзя переносить на такие давние времена? Или надо просто честно сознаться, что все это представление о процессах в «Я» ничего не дает для понимания филогенезиса и к нему неприменимо?

Ответим сначала на то, на что легче всего ответить. Наличие дифференциации на «Я» и «Оно» мы должны признать не только у примитивных людей, но и у гораздо более простых живых существ, так как эта дифференциация является необходимым выражением влияния внешнего мира. Мы предположили, что «Сверх-Я» возникло именно из тех переживаний, которые вели к тотемизму. Вопрос о том, кто приобрел эти знания и достижения – «Я» или «Оно» – вскоре отпадает сам собой. Дальнейшее соображение говорит нам, что «Оно» не может пережить или испытать внешнюю судьбу кроме как через «Я», которое заменяет для него внешний мир. Но о прямом наследовании в «Я» все же нельзя говорить. Здесь раскрывается пропасть между реальным индивидом и понятием вида. Нельзя также слишком неэластично относиться к разнице между «Я» и «Оно»: нельзя забывать, что «Я» является особенно дифференцированной частью «Оно». Переживания «Я» кажутся сначала потерянными для наследования, но если они часто и достаточно сильно повторяются у многих следующих друг за другом поколений индивидов, то они, так сказать, превращаются в переживания «Оно», впечатления которых закрепляются путем наследования. Таким образом наследственное «Оно» вмещает в себе остатки бес численных жизней «Я», и когда «Я» черпает свое «Сверх-Я» из «Оно», то оно, может быть, лишь восстанавливает более старые образы «Я», осуществляет их воскрешение.

История возникновения «Сверх-Я» делает понятным, что. ранние конфликты «Я» с объектными загрузками «Оно» могут продолжаться в виде конфликтов с их наследником – «Сверх-Я». Если «Я» плохо удается преодоление Эдипова комплекса, то его загрузка энергией, идущая от «Оно», вновь проявится в образовании реакций «Идеала Я». Обширная коммуникация этого идеала с этими БСЗ первичными позывами разрешит ту загадку, что сам идеал может большей частью оставаться неосознанным, для «Я» недоступным. Борьба, бушевавшая в более глубоких слоях и не прекратившаяся путем быстрой сублимации и идентификации, как на каульбаховской картине битвы гуннов, продолжается в сфере более высокой.

IV ДВА ВИДА ПЕРВИЧНЫХ ПОЗЫВОВ

Мы уже сказали, что если наше деление психического существа на «Оно», «Я» и «Сверх-Я» означает шаг вперед в нашем представлении об этом психическом существе, то

это деление должно оказаться также и средством для более глубокого понимания и лучшего описания динамических соотношений психической жизни. Нам ясно и то, что «Я» находится под особым влиянием восприятий и вчерне можно сказать, что для «Я» восприятия имеют то же значение, как инстинкты для «Оно». При этом «Я» подчиняется действию инстинктов так же, как «Оно»; «Я» ведь является лишь особо модифицированной частью «Оно».

О первичных позывах я недавно уже высказал свой взгляд («По ту сторону принципа наслаждения»), которого буду и здесь придерживаться и который ляжет в основу дальнейшего обсуждения. Я думаю, что следует различать два вида первичных позывов, из которых один – сексуальные инстинкты, или Эрос – гораздо более заметен и более доступен для изучения. Этот вид охватывает не только непосредственный безудержный сексуальный первичный позыв и исходящие от него целепреграженные и сублимированные движения первичного позыва, но и инстинкт самосохранения, который мы должны приписать «Я». В начале аналитической работы мы, по веским причинам, противопоставляли этот инстинкт сексуальным первичным позывам, направленным на объект. Гораздо труднее было для нас определение второго вида первичных позывов, – мы пришли к убеждению, что представителем его является садизм. На основе теоретических, опирающихся на биологию, размышлений мы предположили наличие инстинкта смерти, задачей которого является приводить все органически живущее к состоянию безжизненности; в то же время Эрос имеет целью осложнять жизнь все более широким объединением рассеянных частиц живой субстанции – конечно, с целью сохранить при этом жизнь. Оба первичных позыва проявляют себя в строжайшем смысле консервативно, стремясь к восстановлению состояния, нарушенного возникновением жизни. Возникновение жизни было бы, таким образом, причиной дальнейшего продолжения жизни и– одновременно причиной стремления к смерти – сама жизнь была бы борьбой и компромиссом между этими двумя стремлениями. Вопрос о происхождении жизни остался бы .космологическим, а на вопрос о цели и назначении жизни ответ был бы дуалистическим.

Каждому из этих двух видов первичных позывов был бы приписан особый физиологический процесс (рост и распад), и в каждой живой субстанции действовали бы оба первичных позыва, но все же в неравных долях, чтобы одна субстанция могла быть главным представителем Эроса.

Было бы совершенно невозможно представить себе, каким образом оба первичных позыва соединяются, смешиваются и сплавляются друг с другом; но что это происходит регулярно и в значительных масштабах – является для нас неопровержимой предпосылкой. В результате соединения одноклеточных организмов в многоклеточные удалось бы нейтрализовать инстинкт смерти отдельной клетки и при помощи особого органа отвести разрушительные склонности на внешний мир. Этим органом была бы мускулатура, и инстинкт смерти – все-таки, вероятно, только частично – выразился бы в виде разрушительного первичного позыва, направленного на внешний мир и другие живые существа.

Если мы уже согласились с предстазлением о смещении обоих видов первичных позывов, то напрашивается возможность и другого представления, а именно: возможности – более или менее полного – распада их на первоначальные. В садистическом компоненте сексуального первичного позыва мы имели бы тогда классический пример целесообразного смешения первичных позывов, в ставшее самостоятельным садизме, в качестве извращения, пример такого распада, правда, не дошедшего до крайности. Тогда нам открывается понимание большой области фактов, которая еще не рассматривалась в этом свете. Мы

узнаем, что разрушительный первичный позыв регулярно служит Эросу в целях разгрузки, и догадываемся, что эпилептический припадок является продуктом и признаком распада первичных позывов на первоначальные; мы начинаем понимать, что в последствиях многих тяжелых неврозов, например, неврозов принуждения, особого внимания заслуживает распад первичных позывов смерти. Обобщая вкратце сказанное, нам хочется предположить, что сущность регресса в либидо – например, от генитальной до садистически-анальной фазы, – основывается на распаде первичных позывов и, наоборот: развитие от ранней к окончательной генитальной фазе имеет условием увеличение эротических компонентов. Возникает и вопрос, – не следует ли понимать регулярную амбивалентность, которая так часто усилена при конституциональном предрасположении к неврозу, как результат распада; он, однако, так первоначален, что его скорее следует рассматривать как несовершившееся смешение первичных позывов.

Наш интерес направится, конечно, на вопрос – нельзя ли найти разъясняющие соотношения между принятыми нами образованиями «Я», «Сверх-Я» и «Оно», с одной стороны, и обоими видами первичных позывов, с другой стороны; и далее – можем ли мы для принципа наслаждения, господствующего над душевными процессами, установить твердую позицию в отношении обоих первичных позывов и психических дифференциаций. Но прежде чем приступить к дискуссии, мы должны покончить с одним сомнением, которое направлено против самой постановки проблемы. Правда, в наличии принципа наслаждения нельзя сомневаться, деление «Я» основано на клинических подтверждениях; но распознавание обоих видов первичных позывов кажется недостаточно твердо обеспеченным и, возможно, что факты клинического анализа от своих требований откажутся.

Такой факт, как видно, существует. Как на противоположность между обоими видами первичных позывов, мы можем указать на полярность любви и ненависти. Мы не затрудняемся репрезентировать Эрос, но зато очень довольны, что для трудно определимого инстинкта смерти мы нашли представителя в разрушительном инстинкте, которому указывает путь ненависть. Но клиническое наблюдение учит нас тому, что ненависть не только неожиданным образом постоянный спутник любви (амбивалентность), не только частый ее предшественник в человеческих отношениях, но и что ненависть при различных условиях превращается в любовь, а любовь – в ненависть. Если это превращение больше, чем лишь последовательность во времени, т. е. смена, то, очевидно, не имеет под собой почвы такое основополагающее различие, как различие между эротическими инстинктами смерти, предполагающее противоположно идущие физиологические процессы.

Но тот случай, когда одного и того же человека сначала любят, а потом ненавидят, или наоборот – если он дает к этому поводы – очевидно не относится к нашей проблеме. Не относится к ней и другой случай: когда еще не проявленная влюбленность сначала выражает себя как враждебность и склонность к агрессии, так как тут разрушительный компонент при загрузке объектом мог предшествовать, а затем к нему присоединяется компонент эротический. Но мы знаем несколько случаев из психологии неврозов, в которых факт превращения более возможен. При paranoia persecutoria больной известным образом защищается от слишком сильной гомосексуальной привязанности к определенному лицу с тем результатом, что это чрезвычайно любимое лицо становится преследователем, против которого направлена часто опасная агрессия больного. Мы имеем право включить соображение, что какая-то предшествующая фаза превратила любовь в ненависть. Аналитическое исследование совсем недавно пришло к выводу, что при возникновении гомосексуальности, а также и десексуализированных сексуальных чувств, существуют

сильные чувства соперничества, ведущие к агрессии, и только после преодоления их, ранее ненавидимое лицо делается лицом любимым или предметом идентификации. Возникает вопрос – можно ли считать этот случай прямым превращением ненависти в любовь? Ведь здесь речь идет о чисто внутренних изменениях, в которых изменившееся поведение объекта не принимает участия. Но аналитическое исследование процесса при параноидном превращении знакомит нас с возможностью существования другого механизма. С самого начала имеется амбивалентная установка, и превращение совершается путем реактивного смещения нагрузки объекта, причем у эротического чувства отнимается энергия и передается энергии враждебной.

Не то же самое, но сходное происходит при преодолении враждебного соперничества, ведущем к гомосексуализму. Враждебная установка не имеет шансов на удовлетворение, поэтому, следовательно, из экономических мотивов она сменяется любовной установкой, представляющей больший шанс на удовлетворение, т. е. на возможность разрядки. Поэтому ни для одного из этих случаев нам не приходится принимать прямого превращения ненависти в любовь, которое не согласовывалось бы с квалитативным различием обоих видов первичного позыва.

Но мы замечаем, что признанием этого другого механизма превращения любви в ненависть, мы молча сделали другое предположение, которое заслуживает того, чтобы его огласили. Мы действовали так, как будто в психической жизни – еще неизвестно, в «Я» или в «Оно» – существует способная к смещению энергия, сама по себе индифферентная, которая может примкнуть к квалитативно-дифференцированному эротическому или разрушительному импульсу и его повысить. Мы вообще не можем обойтись без предположения такой способной к смещениям энергии. Вопрос лишь в том, откуда она берется, к чему она принадлежит и что она означает.

Проблема качества первичных позывов и их сохранения при различных судьбах первичных позывов еще очень непроницаема и в настоящее время еще почти не разработана. На частичных сексуальных первичных позывах, особенно доступных наблюдению, можно установить некоторые процессы, входящие в те же рамки: например, то, что частичные первичные позывы до известной степени общаются друг с другом, что один первичный позыв из особого эрогенного, источника может отдавать свою интенсивность для усиления частичного-первичного позыва из другого источника, что удовлетворение одного первичного позыва возмещает удовлетворение другого и т. п., и все это дает нам смелость сделать некоторого рода предположения.

В данной дискуссии я могу предложить тоже лишь предположение, а не доказательство. По-видимому, приемлемо, что эта способная к смещению и индифферентная энергия, действующая, вероятно, в «Я» и «Оно», имеет источником запас нарцистического либидо, т. е. представляет собой десексуализированный Эрос. Эротические первичные позывы ведь и вообще кажутся нам более пластичными, более способными к отвлечению, чем разрушительные Первичные позывы. Тогда можно без натяжки предположить, что это способное к смещению либидо работает на пользу принципа наслаждения, для избежания заторов и облегчения разгрузок. При этом нельзя не заметить известного безразличия к тому, каким путем совершается разгрузка, – если только она вообще совершается. Мы знаем, что эта черта характерна для процессов загрузки в «Оно». Она имеется при эротических загрузках, причем в отношении объекта развивается особое равнодушие, в особенности при перенесениях в психоанализе, которые должны быть произведены, безразлично на каких именно лиц. Ранк недавно привел прекрасные примеры того, что невротические реакции

мести направляются на неправильное лицо. При этом проявлении бессознательного вспоминается ставший комичным анекдот, как один из трех деревенских портных должен был быть повешен, потому что единственный в деревне кузнец совершил преступление, караемое смертью. Наказание должно иметь место, даже если наказан будет невиновный. Эту же шаткость мы впервые заметили на смещениях первичного процесса в работе сновидений. Как здесь объекты, так в интересующем нас случае способы разгрузки будут приниматься во внимание лишь во вторую очередь. В большем соответствии с «Я» было бы настаивание на большей точности как выбора объекта, так и способа разгрузки.

Если эта энергия смещения является десексуализированным либидо, то ее можно назвать и сублимированной, так как она все еще придерживалась бы глав ной цели Эроса – соединять и связывать, служа установлению того единства, которым – или стремлением к которому – отличается «Я». Если мыслительные процессы в более широком смысле мы включим в эти смещения, то, конечно, и мыслительная работа совершается путем сублимации эротической энергии.

Здесь мы снова находимся перед ранее упомянутой возможностью, что сублимация регулярно происходит при посредничестве «Я». Вспомним и другой случай, когда это «Я» выполняет первые, и, конечно, и более поздние загрузки объектом «Оно» тем, что принимает в себя их либидо и связывает с изменением «Я», вызванным идентификацией. С этой перестройкой в либидо «Я» связан, конечно, отказ от сексуальных целей – десексуализация. Во всяком случае, так мы получаем представление о важной работе «Я» в его отношении к Эросу. Тем, что таким способом «Я» овладевает либидо объектных загрузок, объявляя себя объектом любви, десексуализирует или сублимирует либидо «Оно», «Я» работает против целей Эроса, начинает служить вражеским первичным позывам. «Я» должно примириться с другой частью объектной нагрузки «Оно», должно, так сказать, в ней участвовать. Позже мы разберем другое возможное следствие этой деятельности «Я».

Теперь следовало бы предпринять новое важное истолкование учения о нарциссизме. Первоначально все либидо скапливается в «Оно», в то время как «Я» только еще начинает образовываться или еще не окрепло. Одну часть этого либидо «Оно» направляет на эротические объектные нагрузки, после чего окрепшее «Я» стремится овладеть этим объектным либидо и навязать себя «Оно» в качестве объекта любви. Таким образом, нарциссизм «Я» является вторичным, от объектов отвлеченным.

Мы все снова убеждаемся, что движения первичных позывов, которые мы можем проследить, оказываются отпрысками Эроса. Нам было бы трудно удержать основное дуалистическое воззрение, если бы у нас не было соображений, изложенных в «По ту сторону принципа наслаждения», и, наконец, садистических дополнений к Эросу. Но так как мы вынуждены это сделать, то у нас должно создаться впечатление, что инстинкты смерти, в основном, немы, а шум большей частью исходит от Эроса[8].

А борьба против Эроса! Невозможно отклонить взгляд, что принцип наслаждения служит для «Оно» компасом в борьбе против либидо, которое вносит в процесс жизни помехи. Если в жизни господствует принцип константности в духе Фехнера, которая, следовательно, должна была бы быть скольжением в смерть, то требования Эроса, сексуальных первичных позывов, являются тем, что в виде потребностей первичных позывов задерживает снижение уровня и вносит новые напряженности. От них разными способами

---

[8] *Ведь по нашему пониманию, направленные наружу разрушительные инстинкты через посредство Эроса отвлеклись от собственного естества.*

защищается «Оно», руководимое принципом наслаждения, т. е. восприятием неудовольствия. Сначала – путем по возможности ускоренной уступчивости к требованиям недесексуализированного либидо, т. е. борьбой за удовлетворение прямых сексуальных стремлений. И в гораздо большем масштабе, освобождаясь при одном из таких удовлетворений, когда сливаются воедино все разделенные требования, от сексуальных субстанций, которые являются, так сказать, насыщенными носителями эротических напряженностей. Извержение сексуальной материи в сексуальном акте до известной степени соответствует разделению сомы и зародышевой плазмы. Отсюда сходство состояния после полного сексуального удовлетворения с умиранием, а у низших животных – совпадение смерти с актом зарождения. Эти существ умирают при размножении, поскольку после выключения Эроса путем удовлетворения, инстинкт смерти получает полную свободу осуществления своих намерений. Наконец, «Я», как мы слышали, облегчает «Оно» работу преодоления, сублимируя части либидо для себя и своих целей.

V ЗАВИСИМОСТИ «Я»

Сложность материала пусть оправдает то, что ни один из заголовков полностью не покрывает содержания главы и что мы, приступая к изучению новых отношений, снова и снова возвращаемся к нами уже выясненному.

Так, мы уже неоднократно повторяли, что «Я» по большей части образуется из идентификаций, сменяющих растворенные нагрузки «Оно»; что первые из этих идентификаций регулярно проявляют себя в «Я» как особая инстанция, противопоставляют себя «Я» как «Сверх-Я», в то время как окрепшее «Я» позднее может проявлять больше устойчивости против таких влияний идентификации. «Сверх-Я» обязано своим особым положением в «Я» – или по отношению к «Я» – одному моменту, который следует расценивать с двух сторон; во-первых, это – первая идентификация, которая произошла, пока «Я» было еще слабым, и, во-вторцх, оно является наследником Эдипова комплекса, следовательно, внесло в «Я» самые грандиозные объекты. К позднейшим изменениям «Я» оно до известной степени относится так, как первичная сексуальная фаза детства относится к дальнейшей сексуальной жизни по достижении половой зрелости. Хотя и доступное всем дальнейшим влияниям, оно на всю жизнь сохраняет характер, полученный им вследствие своего происхождения от Эдипова комплекса, а именно – способность противопоставлять себя «Я» и преодолевать его. Оно – памятник былой слабости и зависимости «Я» и продолжает свое господство и над зрелым «Я». Как ребенок был принужден слушаться своих родителей, так и «Я» подчиняется, категорическому императиву своего «Сверх-Я».

Но происхождение от первых объективных загрузок «Оно», следовательно, – от Эдипова комплекса, означает для «Сверх-Я» еще больше: это происхождение, как мы уже объясняли, ставит его в связь с филогенетическими приобретениями «Оно» и делает «Сверх-Я» перевоплощением прежних образований «Я», оставивших свои следы в «Оно». Таким образом, «Сверх-Я» всегда близко к «Оно» и может в отношении «Я» быть его представителем. Оно глубоко погружается в «Оно» и поэтому больше отдалено от сознания, нежели «Я»[9].

Эти соотношения мы оценим лучше всего, если обратимся к известным клиническим

---

[9] *Можно сказать, что психоаналитическое или метапсихологи-ческое «Я» так же стоит на голове, как и анатомическое – «мозговой человечек».*

фактам, которые давно уже не являются новостью, но все еще ожидают теоретической разработки.

Есть лица очень странно ведущие себя во время аналитической работы. Если им дают надежду и высказывают удовлетворение успехом лечения, они кажутся недовольными и регулярно ухудшают свое состояние. Сначала это принимаешь за упрямство и старание доказать врачу свое превосходство. Позднее приходишь к более глубокому и более справедливому пониманию: убеждаешься не только в том, что эти лица не переносят похвалы и признания, но и в том, что на успехи лечения они реагируют обратным образом. Каждое частичное разрешение проблемы, которое должно было бы иметь результатом улучшение или временное выпадение симптомов – и у других его и вызывает – у них вызывает немедленное усиление их страдания: их состояние во время лечения ухудшается вместо того, чтобы улучшаться. Они проявляют так называемую негативную терапевтическую реакцию.

Нет сомнения, что что-то в них противится выздоровлению, что его приближения боятся так, как боятся опасности. Говорят, что у таких лиц преобладает не воля к выздоровлению, а потребность болезни. Если анализировать это сопротивление обычным образом, исключить из него упрямое отношение к врачу и фиксацию на формах хода болезни, то все же большая часть еще остается и оказывается сильнейшим препятствием для выздоровления; это препятствие сильнее, чем нам уже известная нарцистическая недоступность, негативная установка по отношению к врачу или нежелание расстаться с болезнью. В конце концов, мы приходим к убеждению, что корень надо искать, так сказать, в «моральном» факторе – в чувстве вины, которое находит удовлетворение в болезни и не хочет отрешиться от наказания в виде страданий. На этом мало утешительном объяснении можно окончательно остановиться. Но это чувство вины у больного молчит, оно не говорит ему, что он себя не виновным, а больным. Это чувство вины проявляется лишь в виде трудно редуцируемого сопротивления собственному исцелению. Кроме того, особенно трудно убедить больного, что это и есть мотив, почему его болезнь продолжается; он будет держаться более понятного объянения – что психоанализ не то средство, которое могло бы ему помочь[10].

Описанное здесь соответствует наиболее крайним случаям, но может в меньшем масштабе быть принято во внимание для очень многих, возможно, для всех более тяжких случаев невроза. Более того, – может быть, именно этот фактор – поведение «Идеала Я», решающим образом определяет степень невротического заболевания. Поэтому мы не уклонимся от некоторых дальнейших замечаний о проявлении чувства вины при различных условиях.

Нормальное, осознанное, чувство вины (совесть) не представляет для толкования никаких затруднений; оно основано на напряжении между «Я» и «Идеалом Я» и является

---

[10] Аналитику борьба с препятствием бессознательного чувства виновности нелегка. Прямо с ним бороться нельзя, а косвенным образом – только так, что больному медленно раскрывают его бессознательно вытесненные обоснования, причем чувство вины постепенно превращается в сознательное чувство виновности. Мы имеем особенно большой шанс на влияние, если это БСЗ чувство вины заимствовано, т. е. является следствием идентификации с другим лицом, которое некогда было объектом эротической загрузки. Такое принятие на себя чувства вины является часто единственным трудно распознаваемым остатком покинутых любовных отношений. Сходство с процессом, наблюдаемым при меланхолии, тут очевидно. Если удастся вскрыть эту прошлую загрузку объектом за БСЗ чувством вины, то часто терапевтическая задача блестяще разрешается; в другом случае исход терапевтического усилия отнюдь не обеспечен. В первую очередь, исход лечения зависит от интенсивности чувства вины, которой терапия часто не может противопоставить встречной силы, равной по величине. Возможно и от того, допускает ли личность аналитика, чтобы больной сделал его своим «Идеалом Я», с чем связано искушение играть в отношении больного роль пророка и спасителя души. Так как правила анализа решительно противятся такому использованию личности врача, то следует честно признаться, что этим устанавливается новое препятствие действию анализа, который ведь не должен делать болезненные реакции невозможными, а должен давать «Я» больного свободу решения в том или ином направлении.

выражением осуждения «Я» со стороны его критической инстанции. Знакомые чувства неполноценности у невротика недалеки от этого. В двух хорошо знакомых нам аффектах чувство вины чрезвычайно сильно осознано; «Идеал Я» проявляет тогда особую строгость и часто жестоко буйствует против «Я». Наряду с этим совпадением при обоих состояниях – при неврозе принуждения и меланхолии в поведении «Идеала Я», имеются различия, которые не менее значительны.

При неврозе принуждения, (известных его формах) чувство вины дает о себе знать крайне назойливо, но перед «Я» оно оправдаться не может. Поэтому «Я» больного сопротивляется тому, что ему приписывается виновность, и требует от врача подтверждения, что он вправе ее отклонить, Было бы неблагоразумно уступить ему, так как это не повело бы к успеху. Дальнейший анализ показывает, что на «Сверх-Я» влияют процессы, оставшиеся «Я» неизвестными. И действительно, можно найти вытесненные импульсы, обосновывающие чувство вины. Здесь «Сверх-Я» знало больше о бессознательном «Оно», чем знало «Я».

Еще бопее сильное впечатление того, что «Сверх-Я» присвоило себе сознание, создается в случае меланхолии. Но тут «Я» не отваживается на возражения – оно признает себя виновным и подчиняется наказаниям. Мы понимаем это различие. При неврозе принуждения дело заключалось в предосудительных побуждениях, оставшихся вне «Я»; а при меланхолии объект, на который направлен гнев «Сверх-Я», путем идентификации принят в «Я».

Отнюдь не само собой понятно, что при обоих этих невротических аффектах чувство вины достигает такой исключительной силы, но главная проблема ситуации все же находится в другом месте. Мы откладываем ее рассмотрение, пока не разберем другие случаи, в которых чувство вины остается бессознательным.

Ведь это, в основном, можно найти при истерии и состояниях истерического типа. Здесь легко угадать механизм продолжающейся бессознательности. Истерическое «Я» защищается против мучительного восприятия, грозящего ему вследствие критики его «Сверх-Я», тем же путем, каким оно обычно привыкло защищаться от невыносимой для него загрузки объектом, – т. е. путем акта вытеснения. Зависит, следовательно, от «Я», если чувство вины остается бессознательным. Мы знаем, что обычно «Я» приступает к вытеснениям по заданию и поручению своего «Сверх-Я», но здесь мы имеем случай, когда «Я» против своего грозного господина пользуется тем же оружием. При неврозе принуждения, как известно, преобладают феномены образования реакций; здесь «Я» удается только держать вдали тот материал, на котором основано чувство вины.

Можно пойти дальше и отважиться на предпосылку, что нормальным образом большая часть чувства вины должна быть бессознательной, так как возникновение совести тесно связано с Эдиповым комплексом, который принадлежит бессознательному. Если кто-нибудь захотел бы защитить парадоксальное положение, что нормальный человек гораздо неморальнее, чем. полагает, но и гораздо моральнее, чем он это осознает, то психоанализ, на данных которого основана первая половина утверждения, ничего не мог бы возразить и против второй половины положения[11].

Для нас .было неожиданностью найти, что повышение этого БСЗ чувства вины может сделать человека преступником. Но это несомненно так. У многих, особенно юных

---

[11] *Это положение парадоксально только на вид; оно просто говорит, что природа человека как в добре, так и во зле, далеко выходит за пределы того мнения, которое он о себе имеет, Т; е. за пределы того, что его «Я» знает через сознательные восприятия.*

преступников, можно доказать наличие огромного чувства вины, которое имелось еще до преступления, являясь, следовательно, не его следствием, а его побуждением, как если бы возможность соединить это бессознательное чувство вины с чем-то реальным и актуальным ощущалась как облегчение.

Во всех этих соотношениях «Сверх-Я» доказывает свою независимость от сознательного «Я» и свою тесную связь с бессознательным «Оно». Теперь, при учете значения, приписанного нами предсознательным словесным остаткам в «Я», возникает вопрос – не состоит ли «Сверх-Я», если оно БСЗ, из таких словесных представлений, или из чего же еще оно состоит? Скромный ответ будет гласить, что «Сверх-Я» не может отрицать и своего происхождения от слышанного – ведь оно является частью «Я» и остается доступным сознанию со стороны этих словесных представлений (понятий, абстракций), но энергия загрузки доставляется этому содержанию «Сверх-Я» не из слуховых восприятий, обучения и чтения, а из источников в «Оно».

Вопрос, ответ на который мы отложили, гласит: как это происходит, что «Сверх-Я», в основном, проявляет себя как чувство вины (лучше – как критика: чувство вины есть соответствующее этой критике восприятие в «Я») и при этом развивает по отношению к «Я» такую исключительную жестокость и строгость? Если мы обратимся сначала к меланхолии, то найдем, что могучее «Сверх-Я», захватившее сознание, неистовствует против «Я» с такой беспощадной яростью, как будто бы присвоив себе весь имеющийся в индивиде садизм. Согласно нашему пониманию садизма, мы сказали бы, что в «Сверх-Я» отложился разрушительный компонент, обратившись против «Я». То, что теперь господствует в «Сверх-Я», является как бы. чистой культурой инстинкта смерти, и действительно ему довольно часто удается довести «Я» до смерти, если только оно до того не защитится от своего тирана обращением в манию.

Сходно болезненны и мучительны укоры совести при определенных формах невроза принуждения, но ситуация здесь менее ясна. Следует особо отметить, что в противоположность меланхолии больной неврозом принуждения, собственно говоря, никогда не прибегает к самоубийству: у него иммунитет против этой опасности, он гораздо лучше от нее защищен, чем истерик. Мы понимаем, что сохранение объекта обеспечивает безопасность «Я». При неврозе принуждения вследствие регресса к прегенитальной организации стало возможным превращение любовных импульсов в агресивные импульсы, направленные против объекта. Тут опять освободился разрушительный инстинкт и хочет уничтожить объект, или по крайней мере кажется, что такое намерение существует. «Я» этих тенденций не приняло – оно противится им путем выработки реакций и мер предосторожности; они остаются в «Оно». Но «Сверх-Я» проявляет себя так, как будто за них ответственно «Я»; и одновременно доказывает тою серьезностью, с какой «Сверх-Я» преследует эти цели уничтожения, что здесь речь идет не о вызванной регрессии видимости,. а о подлинной замене любви ненавистью. Беззащитное с обеих сторон «Я» тщетно обороняется от наглых требований убийственного «Оно», а также от укоров карающей совести. Ему удается подавить только самые грубые действия обоих, и результатом является, прежде всего, бесконечное терзание самого себя и дальнейшее систематическое терзание объекта, где таковой доступен.

Опасные инстинкты смерти лечат в индивиде различным образом; частично обезвреженные смешением с эротическими компонентами, частично в виде агрессии отвлеченные наружу, они, конечно, большею частью беспрепятственно продолжают свою внутреннюю работу. Но как же получается, что при меланхолии «Сверх-Я» может сделаться

своего рода местом скопления инстинктов смерти?

С точки зрения обуздания первичных позывов – морали – можно сказать: «Оно» совершенно аморально, «Я» старается быть моральным, «Сверх-Я» может стать гиперморальным и тогда столь жестоким, каким может только быть «Оно». Примечательно, что чем больше человек ограничивает свою агрессию вовне, тем строже, т. е. агрессивнее он становится в своем «Идеале Я». Для обычного наблюдения это кажется обратным – оно видит в требованиях «Идеала-Я» мотив для подавления агрессии. Но факт остается таким, как мы его формулировали: чем больше человек овладевает своей агрессией, тем больше возрастает склонность его идеала к агрессии против его «Я». Это – как бы смещение, поворот против собственного «Я». Уже обычная, нормальная мораль имеет характер чего-то жестко ограниченного, жестко воспрещающего. Отсюда ведь проистекает понятие неумолимо карающего высшего существа.

Я не могу продолжить дальнейшее объяснение этих соотношений, не вводя нового предположения. Ведь «Сверх-Я» возникло из идентификации с образом отца. Каждая такая идентификация носит характер десексуализации или даже сублимации. И теперь кажется, что при таком превращении происходит и распад первичных позывов на первоначальные. После сублимации у эротического компонента уже нет сил связать все дополнительное разрушение, и он освобождается в виде склонности к агрессии и разрушению. Из этого распада идеал получил бы суровую, жестокую черту настоятельного долженствования.

Остановимся еще раз коротко на неврозе принуждения. Здесь соотношения иные. Распад любви в агрессию произошел не путем работы «Я», а есть следствие регресса, состоявшегося в «Оно». Но этот процесс перешел с «Оно» на «Сверх-Я», которое теперь обостряет свою строгость к безвинному «Я». Но в обоих случаях «Я», преодолевшее либидо идентификаций, переживает за это кару «Сверх-Я» в виде агрессии, примешанной к либидо.

Наши представления о «Я» становятся более ясными, его различные соотношения приобретают четкость. Мы видим теперь «Я» в его силе и в его слабости. Ему доверены важные функции: в силу его отношения к системе восприятий оно устанавливает последовательность психических процессов и подвергает их проверке на реальность. Путем включения мыслительных процессов оно достигает задержки моторных разрядок н владеет доступами к подвижности. Овладение последним, правда, больше формальное, чем фактическое – по отношению к действию «Я» занимает, примерно, позицию конституционного монарха, без санкции которого ничто не может стать законом, но который все же сильно поразмыслит, прежде чем наложить свое вето на предложение парламента. «Я» обогащается при всяком жизненном опыте извне; но «О,но» является его другим внешним миром, который «Я» стремится себе подчинить. «Я» отнимает у «Оно» либидо, превращает объектные загрузки «Оно» в образования «Я». С помощью «Сверх-Я», «Я» неясным еще для нас образом черпает из накопившегося в «Оно» опыта древности.

Есть два пути, по которым содержание «Оно» может проникнуть в «Я». Один путь – прямой, другой ведет через «Идеал Я»; для многих психических деятельностей может стать решающим, какому из обоих путей они следуют. «Я» развивается от восприятия первичных позывов к овладению ими, от повиновения первичным позывам к торможению их. «Идеал Я», частично ведь представляющий собой образование реакций против процессов первичных позывов «Оно», активно участвует в этой работе. Психоанализ является тем орудием, которое должно дать «Я» возможность постепенно овладеть «Оно».

Но, с другой стороны, мы видим это же «Я» как несчастное существо, исполняющее три рода службы и вследствие этого страдающее от угроз со стороны трех опасностей:

внешнего мира, либидо «Оно» и суровости «Сверх-Я». Три рода страха соответствуют этим трем опасностям, так как страх выражает отступление перед опасностью. В качестве пограничного существа «Я» хочет быть посредником между миром и «Оно», хочет сделать «Оно» уступчивым в отношении мира, а своей мускульной деятельностью сделать так, чтобы мир удовлетворял желаниям «Оно». «Я» ведет себя, собственно говоря, так, как врач во время аналитического лечения: принимая во внимание реальный мир, «Я» предлагает «Оно» в качестве объекта либидо – самое себя, а его либидо хочет направить на себя. Оно не только помощник «Оно», но и его покорный слуга, добивающийся любви своего господина. Где только возможно, и «Я» старается остаться в добром согласии с «Оно» и покрывает его БСЗ поведения своими ПСЗ рационализациями; изображает видимость повиновения «Оно» по отношению к предостережениям реальности и в том случае, когда «Оно» осталось жестким и неподатливым; затушевывает конфликты между «Оно» и реальностью и, где возможно, и конфликты со «Сверх-Я». Вследствие своего серединного положения между «Оно» и реальностью, «Я» слишком часто поддается искушению стать угодливым, оппортунистичным и лживым, примерно как государственный деятель, который при прекрасном понимании всего все же хочет остаться в милости у общественного мнения.

«Я» не держит себя беспристрастно в отношении обоих видов первичных позывов. Своей работой идентификации и сублимации оно помогает инстинктам смерти в «Оно» для преодоления либидо, но при этом само попадает в опасность стать объектом инстинкта смерти и погибнуть. В целях оказания помощи «Я» само должно было, наполниться либидо, этим самым становясь представителем Эроса и исполняясь теперь желанием жить и быть любимым.

Но так как его работа сублимации имеет следствием распад первичных позывов на первоначальные и освобождение агрессивных первичных позывов в «Сверх-Я», то своей борьбой против либидо оно подвергает себя опасности стать жертвой жестокостей и смерти. Если «Я» страдает от агрессии «Сверх-Я» или даже погибает, то его судьба подобна судьбе одноклеточных, погибающих от продуктов разложения, которые они сами создали. Действующая в «Сверх-Я» мораль кажется нам в экономическом смысле таким продуктом разложения.

Из зависимостей «Я» самой интересной, пожалуй, является зависимость от «Сверх-Я».

Ведь «Я» и представляет собой подлинный очаг боязни. Ввиду угрозы трех опасностей «Я» развивает рефлекс бегства, причем свою собственную загрузку оно отводит от опасного восприятия или такого же опасного процесса в «Оно», выдавая это за страх. Эта примитивная реакция позднее сменяется возведением защитных загрузок (механизм фобий). Нельзя указать, чего именно «Я» опасается со стороны внешней опасности или со стороны опасности либидо в «Оно»; мы знаем, что это – преодоление или уничтожение, но аналитической формулировке это не подвергается. «Я» просто следует предостережению принципа наслаждения. Можно однако сказать, что скрывается за страхом «Я» перед «Сверх-Я», перед страхом совести. Высшее существо, ставшее «Идеалом Я», когда-то угрожало кастрацией, и эта кастрация, вероятно, является тем ядром, вокруг которого откладывается страх совести; кастрация именно то, что продолжает себя как страх совести.

Звонкая фраза, что каждый страх является, собственно говоря, страхом смерти, едва ли заключает в себе какой-нибудь смысл; во всяком случае, она не оправдываема. Мне, наоборот, кажется безусловно правильным отделить страх смерти от страха объекта (реальности) и от невротического страха либидо. Для психоанализа это очень трудная проблема, так как смерть есть абстрактное понятие негативного содержания, для которого

бессознательного соответствия не найти. Механизм страха смерти может состоять только в том, что «Я» в значительной степени освобождается от своей нарцистической загрузки либидо, т. е. отказывается от самого себя точно так, как обычно в случае страха отказывается от другого объекта. Мне думается, что страх смерти развертывается между «Я» и «Сверх-Я».

Нам знакомо появление страха смерти при двух условиях, вполне, впрочем, аналогичных условиям обычного развития страха: как реакции на внешнюю опасность и как внутреннего процесса, как, например, при меланхолии. Невротический случай снова может помочь нам понять случай реальный.

Страх смерти при меланхолии допускает лишь одно объяснение, а именно – что «Я» отказывается от самого себя, так как чувствует, что «Сверх-Я» его ненавидит и преследует вместо того, чтобы любить. Следовательно, для «Я» жизнь означает то же, что быть любимым, быть любимым со стороны «Сверх-Я», которое и здесь проявляет себя представителем «Оно». «Сверх-Я» выполняет ту же защитную и спасающую функцию, как раньше отец, позднее, – провидение или судьба. Но тот же вывод должно сделать и «Я», находясь в огромной реальной опасности и преодолеть которую собственными силами оно считает невозможным. «Я» видит, что оно покинуто всеми охраняющими силами и позволяет себе умереть. Это, впрочем, та же ситуация, что стала подосновой первого великого страха рождения и инфантильной тоски страха, – страха разлуки с оберегающей матерью.

На основе вышеизложенного страх смерти, как и страх совести, может, следовательно, быть истолкован как переработка страха кастрации. Ввиду большого значения чувства вины для неврозов нельзя также отрицать, что обычный невротический страх в тяжелых случаях усиливается развитием страха между «Я» и «Сверх-Я» (страха кастрации, страха совести, страха смерти).

«Оно», к которому мы в заключение возвращаемся, не обладает средствами доказать «Я» любовь или ненависть. Оно не может выразить, чего хочет; оно не выработало единой воли. В нем борются Эрос и инстинкт смерти; мы слышали, какими средствами одни первичные позывы обороняются против других. Мы могли бы изобразить это таким образом, будто «Я» находится под властью немых, но мощных инстинктов смерти, которые стремятся к покою и по указаниям принципа наслаждения хотят заставить замолчать нарушителя этого спокойствия – Эроса; но мы опасаемся, что при этом мы все же недооцениваем роли Эроса.